

Кутырев Георгий Игоревич

НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА: ПРЕИМУЩЕСТВА И ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы объяснить возможности применения концепции неоинституционализма рационального выбора к анализу политических институтов. Делается попытка рассмотреть логику и некоторые отличительные особенности этого типа исследований, его преимущества и "пределы". Статья состоит из трёх параграфов: в первом дана общая характеристика неоинституциональной парадигмы; во втором рассматривается эволюция от "традиционного" к "новому" институционализму рационального выбора и в заключение выделяются основные принципы логики подхода к анализу политических институтов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/11-1/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 107-111. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Елисеев А. Паписты-монархисты [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/religion/2001-09-26/10_sight.html (дата обращения: 08.09.2012).
2. Лавриненко И. Неофалангизм – традиционалистская контрреволюция // Русская Фаланга. Львов, 2007. С. 21-27.
3. Лавриненко И. О вновь созданной митрополии в России [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/religion/2002-02-27/9_cares.html (дата обращения: 08.09.2012).
4. Петров И. Сепаратизм по-швейцарски [Электронный ресурс] // Вестник Европы. 2005. № 13-14. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/13/pe13.html> (дата обращения: 08.09.2012).
5. Франсиско Франко, молись за нас: краткий перевод интервью И. Лавриненко «El Mundo» на русском языке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inosmi.ru/untitled/20011121/142217.html> (дата обращения: 08.09.2012).

**IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF RADICAL CATHOLICISM IN MODERN RUSSIA:
CHARACTERISTICS AND PECULIARITIES**

Aleksandr Gennad'evich Kuz'min, Ph. D. in Political Science, Associate Professor
Department of History, Political Science and Sociology
Syktuykar State University
akuzmin09@rambler.ru

The author considers the political ideology of the Russian Catholic radical right-wing organization "Russian Falange", and analyzes the main ideas of the Russian Falangists on the key positions in domestic and foreign policy: political system, the project of state structure, national relations, social policy, education, culture and religion.

Key words and phrases: cult of leader; Russian nationalism; "Russian Falange"; radicalism; national patriotism; traditionalism; fundamentalism.

УДК 32

Политология

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы объяснить возможности применения концепции неoinституционализма рационального выбора к анализу политических институтов. Делается попытка рассмотреть логику и некоторые отличительные особенности этого типа исследований, его преимущества и «пределы». Статья состоит из трёх параграфов: в первом дана общая характеристика неoinституциональной парадигмы; во втором рассматривается эволюция от «традиционного» к «новому» институционализму рационального выбора и в заключение выделяются основные принципы логики подхода к анализу политических институтов.

Ключевые слова и фразы: неoinституционализм; неoinституционализм рационального выбора; традиционный институционализм; политические институты; институциональные изменения.

Георгий Игоревич Кутырев

Кафедра культуры мира и демократии
Российский государственный гуманитарный университет
kutyrevgeorge@gmail.com

**НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА:
ПРЕИМУЩЕСТВА И ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ®****Возникновение парадигмы неoinституционализма**

Период 1960-1970-х стал переломным в развитии современных исследований институтов сначала в экономике, а затем в социальных науках, прежде всего социологии и политологии, оформился неoinституциональный поворот. В экономике неoinституционализм возник как реакция на экономические процессы, произошедшие в обществе в указанный период. Коллапс фордистской организации труда, глобализация, расширение и интеграция рынков услуг не укладывались в рамки неоклассических аксиом полной рациональности и совершенной конкуренции, государственного регулирования ценового механизма кейнсианской модели, индуктивного метода и сравнительного анализа традиционного институционализма.

Для политологических исследований, объединённых вокруг понятия политических институтов, неoinституциональная теория с позиции классиков неoinституционализма Дж. Марча и Й. Ольсена стала ответом на «косный догматизм» бихевиоризма, который «отказывался признавать тот факт, что люди преднамеренно стремятся к определенным целям» [1], его чрезмерную приверженность формальным, математизированным заключениям; на «обезличенность» структурного функционализма, относящего политическую жизнь

к взаимодействию политической системы и окружающей социальной среды, а поведение людей как производное от их функционального статуса. И, наконец, утилитаризма рационального выбора, игнорирующего влияние культурных факторов и политическое поведение, видящего институт в качестве технических рамок, не влияющих на предпочтения индивида.

С точки зрения Б. Питерса выделяется пять направлений неoinституционализма: нормативный институционализм, трактовка институтов с позиций теории рационального выбора, исторический институционализм, социальный институционализм, структурный институционализм [14].

Следует отметить, что выделение ключевых направлений и трактовка связей между «традиционными» и «новыми» версиями институционализма в связи с проблемой многомерности самой неoinституциональной научной парадигмы и многовариантности подходов к её классификации весьма условны. В данной статье остановимся подробнее на преимуществах и внутренних противоречиях неoinституционализма рационального выбора, занимающего доминирующее положение, прежде всего в американской политической науке.

Соотношение «старого» и «нового» институционализма рационального выбора

Неoinституционализм рационального выбора испытал влияние экономической теории фирм (Р. Коуз, Д. Лал, Г. Майнт), позитивной политической теории (У. Райкер, Р. Маккелвей, Б. Шпиллер, Дж. Бучанан), экономической истории, философии утилитаризма и позитивизма (Дж. Милль, И. Бентам, А. Фергюсон, О. Конт) и традиционного экономического институционализма. В политологию модель теории рационального выбора пришла во второй половине 1950-х благодаря работам К. Эрроу, Э. Даунса, Д. Блэка и Г. Саймона.

Традиционный институционализм (Т. Веблен, У. Митчелл, Д. Коммонс, Д. Кларк, У. Гамильтон) экономической теории, возникший в конце XIX в. на американской почве как оппозиционное учение ортодоксальной неоклассической экономической теории, оказал заметное влияние на формирование неoinституционализма рационального выбора.

Традиционный институционализм критиковал ортодоксальное неоклассическое экономическое учение за излишнее упрощение экономической действительности (структура рынка близка к совершенно конкурентной, отсутствие издержек на получение информации о сделке) и представление институтов в виде стационарных, аисторичных, формализованных и математизированных схем, которые используются индивидами для координации своих действий. Изменив и расширив представление учёных об экономической теории, тем не менее, традиционный институционализм в 1970-е утрачивает свои позиции.

Большинство учёных сходятся на том, что причиной тому было, во-первых, чрезмерное увлечение эмпиризмом и индуктивным методом. В результате чего анализ институтов превращался в «рассказывание историй» [7, с. 78], где смысл терминов менялся в ходе рассуждений и различался от автора к автору. Например, термин «институт» Т. Веблен и У. Гамильтон определяли как «привычки мышления или действия», Дж. Коммонс как «коллективное действие по контролю», У. Митчелл как «стандартизированные общественные привычки», а Дж. Гэлбрейт как «социальные образования».

Во-вторых, попытка создать культурологическую экономическую теорию в результате синтеза социальных наук с экономикой обнаружила перекося в сторону социального компонента, не находящего точек соприкосновения с доминирующим в экономической среде формализованным языком графиков и формул.

Анализ институтов с позиций неoinституционализма рационального выбора

Для достижения цели работы из всего многообразия совокупности приёмов неoinституционализма следует демаркировать методологию рационального выбора. Выделим четыре общих позиции данного способа исследования институтов:

а. Соотношение индивид-институт. Сердцевиной концепции рационального выбора является идея об идеальном типе человеческого поведения «*homo economicus*», стремящемся к максимизации собственной полезности (выживанию) в сложном мире. Индивиды действуют в сложном мире на основе неполной информации и простых субъективных моделей для его описания, которые в силу множества факторов (когнитивные ограничения, трансакционные издержки) часто носят ошибочный характер. В результате индивиды на пути к достижению цели максимизации полезности сталкиваются с проблемой неопределённости. Другой проблемой по Дж. Бьюкенену является «естественная предрасположенность игроков к конфликту интересов», также ставящая под сомнение взаимодействие. В результате чего «мы воевали бы друг с другом, поскольку объект желания одного индивида становился бы предметом притязаний другого» [4].

Для решения этих проблем индивиды создают институты (формальные и неформальные). Другими словами, «институты – это конструкции, созданные человеческим сознанием» [9, с. 137]. Они возникают в результате рационального выбора индивидуальных агентов, которые в процессе создания и трансформации институтов одновременно начинают взаимодействовать в этих «правилах игры».

Создавая «правила игры» или, выражаясь более формально, ограничительные рамки, индивиды «задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере, экономике» [Там же, с. 18-19], делая взаимодействие возможным. Набор альтернатив «правил игры» прямо влияет на поведение самого индивида, усиливая его уверенность относительно поведения других и устанавливая институциональное равновесие (эквilibриум).

Институциональное равновесие по Д. Нурту «такая ситуация, в которой при данном соотношении сил игроков и данном наборе контрактных отношений, образующих экономический обмен, ни один из игроков не считает для себя выгодным тратить ресурсы на реструктуризацию соглашений» [Там же, с. 112]. Однако помимо равновесия институты могут генерировать проблемы равновесия, что в первую очередь связано с отклонением от эффективных типов институтов.

б. Формальные и неформальные институты. Согласно предыдущему пункту индивиды разрабатывают формальные и неформальные правила игры. «Содержание неформальных правил не поддаётся точному описанию», - констатировал Д. Норт, - «и однозначно определить ту роль, которую играют эти правила, невозможно» [Там же, с. 56]. Утверждение Д. Норта подтверждают К. Кингстон и Г. Габаллеро, заявляя, что, например, неонституционалисты Э. Остром и Г. Либеккап, «признавая значение неформальных правил», использовали «неточную терминологию» [18, р. 159] при их определении, что в свою очередь обнажает слабость неонституционализма рационального выбора.

В попытке обозначить и преодолеть эту проблему К. Кингстон и Г. Габаллеро сформулировали три наиболее общих характеристики неформальных правил, которые используются неонституционалистами рационального выбора.

Во-первых, неформальные правила понимаются как общественные соглашения, имеющие статус «неписанных правил», складывающиеся в процессе исторического развития, и которые не принуждаются к исполнению государством. Во-вторых, неформальные правила это моральные кодексы поведения и нормы, которые акторы накладывают на самих себя и которые непосредственно влияют на их индивидуальные предпочтения. Наконец, в-третьих, неформальные правила это ограничения, возникающие из информации, передаваемые социальными механизмами (путём обучения и имитации знаний) и являющиеся частью культуры.

Формальные институты «включают политические (и юридические), экономические правила и контракты. Иерархия этих правил – от конституций до статуты (законодательных актов) и обычного права, до законодательных постановлений и распоряжений и, наконец, до индивидуальных контрактов» [9, с. 68]. Они создаются акторами исходя из, прежде всего, возрастающей сложности общества и призваны облегчать политический и экономический обмен, регулировать отношения «принципал – агент», а также решать всё более сложные конфликты.

в. Институциональная трансформация и стабильность. Проблема трансформации институтов тесно связана с проблемой стабильности (в одних обстоятельствах они меняются, в других нет). Потенциально все институты могут претерпевать изменения, однако для того, чтобы успешно выполнять свои функции, «правила игры» должны быть стабильными. Согласно концепции самоусиления институтов, институциональная стабильность происходит в результате заинтересованности акторов, принимающих решения, придерживаться налагаемых на них ограничений.

Одной из причин такого поведения является аргумент «потраченных денег»: «на обучение действующих в данных институциональных рамках агентов уже затрачено так много средств, что хотя теоретически можно было бы найти более эффективные решения, понесённые расходы препятствуют проведению такого рода преобразований» [15, с. 167]. Сам процесс трансформации института может требовать больших затрат, не сопоставимых с имеющимися в распоряжении индивидов ресурсами. Кроме того, неопределенность долгосрочной перспективы новой модели также может удерживать индивидов от изменения существующих институциональных рамок.

г. Политические институты. Политические институты, являясь инструментами рациональной мобилизации других людей и ресурсов для скоординированных усилий по достижению целей политической деятельности, рассматриваются с точки зрения неонституционализма рационального выбора как:

- обладающие принудительным характером и санкциями (эндогенно-психическими и экзогенно-штрафными) за нарушение норм;
- «коллективная польза», достигаемая посредством рационального коллективного действия, носящего форму борьбы за власть между акторами, имеющими субъективно выработанную модель представлений о том, чем является публичное благо;
- формирующие определённый политический режим – «совокупность явных или скрытых структур, которые определяют формы и каналы доступа к ведущим правительственным постам, а также характеристики деятелей... используемые ими ресурсы и стратегии» [19, р. 73]. Необходимым условием существования политического режима является наличие идентичности, чаще всего основанной на территориальной общности.

Основополагающим комплексом политических институтов является государство, основанное на трёх группах политических институтов, необходимых для отстаивания общих интересов. Соответственно выделяются две модели государства: либерально-демократическая контрактная модель и авторитарно-эксплуататорская. Цель первой модели – «достижение такого распределения прав собственности, которое максимизирует совокупный доход общества на основе передачи правомочий в руки тех экономических субъектов, которые смогут распорядиться ими оптимальным образом» [13, с. 21].

Потребность в создании первой группы когнитивно-идеологических институтов для первой модели определяется необходимостью политической идентификации индивидов. Данные институты, являясь субъективными моделями [20], в основе которых лежит личная интерпретация сложного мира политики, формируют определенное представление индивида о себе, своём месте в политическом обществе, тех идеалах и ценностях, которые формируются на основании отождествления (или не отождествления) себя с определённой группой или общностью. Политическая идентичность, как всякая другая типизация, имеет два проявления: внутривнутриполитическое и внешнеполитическое.

Вторая группа институтов необходима для регулирования процесса принятия решений относительно коллективной пользы. Каким образом следует регулировать общие интересы (институты законодательной власти); как претворять эти решения в жизнь (институты исполнительной власти); третий тип институтов (судебная власть) возникает для урегулирования спорных ситуаций и конфликтов, интерпретирует применения общих правил. Наконец, это институты эффективных процедур принуждения к соблюдению правил для решения «повсеместного конфликта между индивидуальными и “общественными” интересами» [4].

Третья группа институтов, неотделимая от второй, регулирует политический процесс борьбы за власть. К ним относятся институты, принимающие порядок образования органов власти (институт выборов, наследования, назначения), порядок формирования взаимоотношений между акторами, борющимися за власть (политические партии, межпартийные альянсы, общественные движения), институты, определяющие границы допустимого в борьбе за власть (моральные кодексы политических деятелей).

Таким образом, согласно либерально-демократической контрактной модели, акторы для защиты своих коллективных интересов создают три группы институтов, формирующих правила, которые удовлетворяют условиям либеральной демократии Л. Даймонда [16, р. 25]:

- отсутствие «резервных областей» мощи для военных и иных общественных сил в свободных и справедливых выборах;
- в дополнение к «вертикальной» подотчётности «управляющий-управляемые» существует «горизонтальная» подотчётность избранных представителей (управляющих) друг перед другом;
- расширенные условия для гражданского и политического плюрализма, свободы индивидуумов и групп людей.

Вторая модель «авторитарная» или «диктаторская», где члены (член) господствующей элиты стремятся к максимизации субъективной полезности через эксплуатацию подвластных им групп индивидов. «Государственный аппарат находится в состоянии постоянной экспансии всё в новые сферы взаимодействия людей, поборы и перераспределения прав собственности носят систематический и предсказуемый характер... индивид или группа, обладающие наибольшим потенциалом насилия, контролируют государственный аппарат и присваивают монополию на применение насилия» [13, с. 21].

В данной модели также существуют три типа политических институтов, но их задачи иные, нежели в демократической модели. Первая группа когнитивно-идеологических институтов нужна для сквозного формирования субъективных мировоззренческих моделей в целях патронирования и контроля над инициативами индивидов. Однако, в отличие от тоталитарной модели, вместо систематического использования идеологических доктрин, авторитарная модель использует присущие данному обществу архетипы, идеалы и верования для формирования устойчивой гражданской пассивности населения.

Вторая группа институтов нужна для создания принудительной легитимности власти правителя (законодательные институты), проведения в жизнь воли правителя (исполнительные институты), регулирования споров между правителем и подданными (судебные институты) и, наконец, включает в себя институты надзора и принуждения, выполняющие гипертрофированную роль структурирования взаимодействия индивидов в духе Т. Гоббса.

Деятельность третьей группы институтов, регулирующей процесс борьбы за власть, также направлена на максимизацию полезности группы инкубентов. Деятельность части институтов, принимающих порядок образования органов власти, например, институт выборов, носит формально-показной характер. А институты формирования взаимоотношений между акторами (партии) используются как инструмент манипулирования и мобилизации.

***

Итак, принимая во внимание отмеченные выше некоторые отличительные особенности этого типа исследований, представляющего, «в сущности, боковое ответвление экономической науки, смежное с политологией» [2, с. 102], выделим его достоинства.

Во-первых, неоинституционализм рационального выбора смог создать теоретическую базу, которая позволила интегрировать аппарат теории игр, математическую обработку данных и методы неоклассического анализа с основополагающими принципами неоинституционализма.

На основе сравнительного небольшого числа аксиом и исходных посылок («жесткого ядра» неоклассики) стало возможным «свести всё многообразие форм взаимодействия людей к нескольким неизбежно упрощённым теоретическим моделям – играм» [3, с. 73]. Это позволило вырабатывать прогностические модели для коллективного и индивидуального поведения любого типа в различном институциональном окружении (т.е. как они будут максимизировать ожидаемую для себя пользу).

Во-вторых, признавая одновременно ограниченность рациональности идеального типа «*homo economicus*» и многомерность и многоаспектность окружающей среды, неоинституционализм рационального выбора включил в свою теорию концепции трансакционных, информационных издержек и институтов, рассматривающихся как механизмы генерации и поддержки равновесия. Тем самым приблизив модель рационального человека к реальности: «Обладая ограниченной рациональностью, он не способен дать всему непротиворечивую и отвечающую своим потребностям оценку. Человек не находится в равновесии с самим собой» [5, с. 128].

В-третьих, неоинституционализм рационального выбора достиг больших успехов в системном микроанализе эффектов и влияний на политические решения «устойчивых во времени структурированных институтов» [21, р. 28]. Также данный подход разрабатывает модели, дающие возможность изучать причины сохранения устойчивости и изменения институтов. «В отличие от других подходов, при которых институты воспринимаются как данное, методология рационального выбора позволяет ученым изучать, каким образом акторы пытаются воздействовать на институты при изменении условий» [6, с. 182].

К пределам применимости неоинституционализма рационального выбора относятся следующие:

- несмотря на признание роли неформальных институтов, новый институционализм рационального выбора не способен дать чёткое объяснение возникновению и изменению неформальных институтов: «Хотя мы еще не можем во всех деталях объяснить действие сил, определяющих развитие культуры, очевидно, что

культурные характеристики общества с течением времени меняются, и что в этом играют роль и случайности, и обучение, и естественный отбор» [9, с. 113];

- сама позиция теории рационального выбора не позволяет искать истоки совместных действий индивидов в культурных, социальных или политических традициях (неформальных институтов), предполагая, что индивиды рациональны и действуют в соответствии с собственными интересами. Поскольку отсутствует чёткое понимание, что такое «ожидаемая польза» для разных акторов, его реконструируют из реального поведения, «таким образом, зависимая переменная используется для определения независимой, к которой потом вновь прибегают для объяснения исходной зависимой величины» [15, с. 163];

- во многих случаях институты – это нечто большее, чем экзогенные ограничения. Согласно П. В. Панову, «многие из тех, кто в принципе стоит на позициях рационального выбора, вынуждены с этим согласиться и признать, что акторы интернализируют институты, которые становятся “системой общих убеждений”» [11, с. 29].

Список литературы

1. Алёшин А. И. Вызов сциентизма [Электронный ресурс]. М.: РГГУ, 2010. URL: <http://web.ff-rggu.ru/positivizm211> (дата обращения: 03.03.2012).
2. Алмонд Г. А. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления / ред. Р. Гудин. М.: Вече, 1999. С. 69-112.
3. Ачкасов В. А. Сравнительная политология. М.: Аспект Пресс, 2011. 400 с.
4. Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия [Электронный ресурс]. СПб.: Экономическая школа, 2005. URL: <http://seinst.ru/page53> (дата обращения: 18.04.2012).
5. Вайзе П. *Homo economicus* и *homo sociologicus*: монстры социальных наук // *Thesis*. М., 1993. № 3. С. 115-130.
6. Вейнгагст Б. Политические институты с позиций концепции рационального выбора // Политическая наука: новые направления / ред. Р. Гудин. М.: Вече, 1999. С. 181-204.
7. Гульбина Н. И. К вопросу о классификации основных течений институциональной теории // Вестник Томского государственного университета. Томск: ТГУ, 2009. № 4. С. 77-86.
8. Нейман фон Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970. 983 с.
9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.
10. Олейник А. Н. Институциональная экономика. М.: Инфра-М, 2004. 416 с.
11. Панов П. В. Основные концептуальные подходы // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / ред. С. В. Патрушев. М.: РОССПЭН, 2011. С. 23-34.
12. Пантин В. И., Семенов И. С. Проблемы идентичности и российская модернизация [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/pantint.htm> (дата обращения: 16.03.2012).
13. Патрушев С. В. Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России. М.: ИСП РАН, 2006. 600 с.
14. Питерс Б. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / ред. Р. Гудин. М.: Вече, 1999. С. 218-234.
15. Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / ред. Р. Гудин. М.: Вече, 1999. С. 149-180.
16. Diamond L. Is the Third Wave Over? // *Journal of Democracy*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. Vol. 7. № 3. P. 20-37.
17. Eggertsson T. Economic Behavior and Institutions: Principles of Neoinstitutional Economics. N. Y.: Cambridge University Press, 1990. 382 p.
18. Kingston C., Gaballero G. Comparing Theories of Institutional Change // *Journal of Institutional Economics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. Vol. 5. Issue 2. P. 151-180.
19. Notes to Chapter 2. Defining Some Concepts (and Exposing Some Assumptions) // *Transition from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies* / ed. by G. O'Donnel, Ph. C. Schmitter. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. Vol. 4. P. 73-78.
20. Sargent T. J. Evolution and Intelligent Design // *Draft of Presidential Address to American Economic Association*. N. Y.: Hoover Institution, 2007. P. 1-51.
21. Shepsle K. Rational Choice Institutionalism // *The Oxford Handbook of Political Institutions* / ed. by R. A. Rhodes. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 23-38.

NEO-INSTITUTIONALISM OF RATIONAL CHOICE: BENEFITS AND INTERNAL CONTRADICTIONS

Georgii Igorevich Kutyrev

Department of World Culture and Democracy

Russian State University for the Humanities

kutyrevgeorge@gmail.com

The author sets the task to explain the possibilities of applying the conception of the neo-institutionalism of rational choice to the analysis of political institutions, and undertakes the attempt to consider the logic and some distinctive features of this type of researches, its benefits and “limits”. The article consists of three paragraphs: in the first one the author gives the general characteristic of neo-institutional paradigm, in the second considers the evolution from the “traditional” to “new” institutionalism of rational choice, and in conclusion emphasizes the main principles of the logic of the approach to the analysis of political institutions.

Key words and phrases: neo-institutionalism; neo-institutionalism of rational choice; traditional institutionalism; political institutions; institutional changes.